

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Н.Г. РОГОЖИНА

Доктор политических наук

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова

Ключевые слова: Восточная Азия, экологические проблемы, безопасность, экологическая политика, «зеленое развитие»

Для стран Восточной Азии обеспечение экологической безопасности напрямую связано не столько с возникновением угрозы международных конфликтов, вызванных соперничеством за ограниченные природные ресурсы и их деградацией (конфликты по международным водным ресурсам, соперничество за природные ресурсы в Южно-Китайском море), сколько с перспективами достижения экономического и социального прогресса.

В конечном итоге, деградация окружающей среды превращается в тормоз экономического прогресса стран Восточной Азии и ведет к утрате конкурентоспособности их экономик, ориентированных на внешние рынки, где в последние годы ужесточаются требования к экологическому качеству товаров и услуг.

Влияние экологических процессов на безопасность оценивается по-разному: традиционно - как непосредственная причина возникновения внутренних и международных конфликтов, принимающих нередко форму вооруженных столкновений. И более широко - во взаимосвязи проблем экологии, развития и безопасности. В этом случае главным становится вопрос о дестабилизирующем воздействии экологического кризиса на социально-экономическое и политическое развитие страны, на обострение внутренних проблем, способных создать угрозу национальной, региональной и глобальной безопасности.

Чаще всего непосредственный результат деградации природы - снижение роста производства сельскохозяйственной продукции, общий спад экономической активности, обострение проблемы бедности и увеличение социальных диспропорций, политическая нестабильность, этнические и религиозные конфликты.

При всем многообразии стран, входящих в состав Восточной Азии и многовариантности их

развития, следует выделить общую причину обострения их экологических проблем - развитие индустриального общества с присущими ему установками на наращивание темпов экономического роста, которое обеспечивается экстенсивным путем за счет переэксплуатации природных ресурсов и загрязнения окружающей среды.

Страны Восточной Азии относятся к числу наиболее динамично развивающихся. Но за свой экономический рост они заплатили высокую экологическую цену, которая измеряется экономическими и социальными потерями, эквивалентными 5-13% ВВП. Обострение экологической ситуации в регионе проявляется в деградации водных и земельных ресурсов, росте объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и водное пространство, обезлесении, в потере биоразнообразия, разрушении экосистем.

Многие страны Восточной Азии, выдвигая экологическую проблему в число приоритетов национальной безопасности, заявляют о необходимости изменения традиционного подхода к

развитию, выражающегося в формуле «сначала надо стать грязным, а потом думать о чистоте окружающей среды», последствием чего и стало превращение региона в один из самых экологически неустойчивых в мире.

КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТРОЕНИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

О нависшей над страной экологической угрозе, способной подорвать стабильность существующей экономической и политической системы, сегодня открыто говорит руководство КНР. Разрастание экологических проблем в Китае приобрело чрезвычайно опасный для страны характер. Во-первых, в силу особого воздействия демографического фактора на весьма скудные природные ресурсы: по мнению китайских специалистов, численность населения, с точки зрения ресурсной обеспеченности, в полтора - два раза превышает «оптимальный уровень». Во-вторых, в силу масштабности допущенных руководством страны ошибок при

проведении политики «большого скачка» и «культурной революции», которые приумножили неизбежные экологические затраты форсированной индустриализации. Поэтому и экологические потери экономической модернизации в Китае выше по сравнению с другими развивающимися странами. Если в среднем по Восточноазиатскому региону этот показатель составляет 5%, то для Китая эта цифра доходит до 13% и возрастает из года в год¹.

Согласно официальным заявлениям, особую опасность для безопасности страны представляют три проблемы - качество водных ресурсов, загрязнение воздушного пространства в городах и деградация земельных ресурсов. По данным ВОЗ, 7 из 10 самых грязных городов мира находятся в КНР, в их числе и Пекин. Только 9 из 161 города, где проводится мониторинг качества воздушного пространства, отвечают требованиям новых экологических стандартов, введенных в 2014 г.

Согласно последнему исследованию *Berkeley Earth*, загрязнение воздуха ежедневно убивает 4 тыс. китайцев, или 1,6 млн человек в год, что составляет 17% от общего количества смертей². Смертность в Китае от неблагоприятной экологии* в 4 раза выше, чем в развитых странах³. Высокий уровень загрязнения атмосферы, который вызывает рост расходов на здравоохранение и приводит к потере производительности труда**, обращается ежегодным ущербом экономики в 6,5% ВВП. И эта сумма будет возрастать по мере увеличения численности городского населения.

Кислотные дожди наносят вред одной трети территории страны. Около 27% земельных угодий превращены в пустыни (в

период с 1994 по 2009 гг. ежегодные темпы роста площади пустынь возросли с 2300 кв. км до 3500 кв. км, нанося экономический ущерб стране в \$8,3 млрд⁴), а на 37% земельных угодий идет процесс эрозии почв. Все это в сочетании с обострением водной проблемы становится ограничителем роста сельскохозяйственного производства. В Центральном Китае используется каждый клочок земли, в Северном Китае есть земля, но нет воды.

Китай стоит на пороге самого крупного в мире водного кризиса. Треть китайских городов сталкивается с дефицитом водоснабжения. А 12,5% крестьянских хозяйств не получают достаточного количества воды (в северном Китае этот показатель оставляет 70%), что приводит к потере урожайности. Возможности удовлетворения возрастающего спроса на воду (1000 млрд куб. м к 2030 г.) ограничены, несмотря на предпринимаемые меры по увеличению её запасов. Было построено 860 тыс. хранилищ воды емкостью 692,4 млрд куб. м, что потребовало колоссальных капиталовложений⁵.

Экономические затраты, связанные с нехваткой водных ресурсов, дополняются потерями, вызванными повышением уровня их загрязнения - 70% водных ресурсов КНР. Общие социальные потери, вызванные загрязнением водных источников, оцениваются в преждевременной смерти 60 тыс. человек ежегодно, не говоря уже о том, что, в целом, неблагоприятная ситуация с качеством водных источников угрожает 360 млн китайцев.

Тенденция к обострению экологических противоречий сохраняется, чему способствуют следующие моменты. Конкурентоспособность страны в глобальной экономике в значительной мере обеспечивается за счет минимизации вложений в экологическую и социальную сферу в рамках осуществления модели экстенсивного экономического роста. Связанный с этим иррациональный ха-

рактер использования природных ресурсов (с сопутствующим увеличением производства отходов) усугубляется нарастанием нагрузки на природные системы растущим населением. И это грозит глобальными изменениями на мировых товарных рынках и может спровоцировать конфликты интересов государств, соперничающих за доступ к природным ресурсам в мире. Уже сегодня Китай вынужден удовлетворять свои возрастающие потребности в них за счет внешнеторговых операций. За последние десять лет страна совершила такой качественный скачок в потреблении, который в западной цивилизации занял сто лет.

Возможности удовлетворения этих потребностей уже сегодня ограничены***, и это угрожает перспективам экономического развития и нарастанию социально-экономических конфликтов в обществе. Деградация окружающей среды представляет все большую опасность для поддержания политической стабильности, поскольку может ослабить экономическую основу существующей политической власти и вызвать рост социальной напряженности.

Некоторыми экспертами рассматривается возможность перерастания экологических протестов в общедемократическое движение. В экстремальных условиях, например, при резком обострении водной проблемы, социальное недовольство в обществе может проявиться в форме его массовой политической мобилизации с угрозой для ослабления власти КПК в стране.

КНР подошла к такому рубежу своего развития, когда возникла настоятельная потребность усилить экологическую составляющую национальной стра-

* Риски для здоровья населения сопоставимы с теми, с которыми сталкивалась Великобритания 50 лет назад.

** Из-за роста числа заболеваний, связанных с загрязнением окружающей среды, Китай ежегодно теряет 64 млн трудовых часов.

*** Площадь пахотной земли на душу населения в КНР составляет по мировым стандартам лишь одну треть от потребности, ресурсы пресной воды - одну четверть, а лесные ресурсы и растительный покров - всего одну шестнадцатую. На одного жителя Китая приходится на 25% меньше воды, чем в среднем в мире.

тегии развития. Как и в начале 1980-х гг., когда государство приступило к осуществлению рыночных реформ, так и сегодня, когда оно планирует структурные преобразования в экономике, интерес к экологической проблематике резко повышается. Нехватка природных ресурсов ставит вопрос об их рациональном использовании, что, в свою очередь, отвечает интересам интенсификации экономического развития и перехода страны на качественно новую ступень индустриального развития при опоре на новейшие достижения науки и техники. Последнее должно обеспечить Китаю и конкурентные преимущества на мировом рынке⁶.

Именно поэтому наряду с ужесточением мер контроля над загрязнением⁷ объектами повышенного интереса государства становятся те направления экологической деятельности, которые обладают к тому же и высокой экономической отдачей: развитие альтернативных источников энергии⁸, внедрение «зеленых» технологий, повышение ресурсоэнергоэффективности экономики. Это - необходимое условие ее дальнейшей модернизации на качественно новой технологической базе и средство сокращения выбросов парниковых газов, по показателю которых Китай вышел на 1-е место в мире.

В 11-м пятилетнем плане государство впервые выдвинуло задачу развития «зеленой» экономики. В 12-м пятилетнем плане (2011-2015 гг.) была намечена цель - к 2015 г. сократить интенсивность содержания углерода на единицу ВВП на 17%, а энергоинтенсивность - на 16%, увеличить долю нетопливных энергоресурсов на 3,1%, сократить выбросы оксида серы на 8%, а окиси азота - на 10%, потребление воды на единицу промышленной продукции - на 30%, потери посевной территории - на 25-26%, увеличить площадь лесов на 1,3%.

В КНР провозглашен курс на создание экоцивилизации, концепция которой в 2013 г. одобрена Всекитайским собранием народных представителей и с тех пор стала политической программой развития страны. Построение экоцивилизации (чисто китайский феномен, не имеющий аналогов в мире), по словам президента КНР Си Цзиньпина, представляет собой «китайскую мечту» о модернизации страны в соответствии с идеями социализма с китайской спецификой⁹. Речь идет о совершении стратегического перехода от экстенсивного промышленного и сельскохозяйственного производства, опирающегося на интенсивное использование природных ресурсов, к инновационному обществу на базе развития современных технологий.

Выдвижение задачи построения «зеленого» общества используется властями в качестве аргумента, оправдывающего реформу госкомпаний, налоговую и судебную реформы, а также другие крупномасштабные изменения в стране¹⁰. Новая программа «зеленого развития» Китая отдает приоритет экологическим критериям перед ростом ВВП при оценке деятельности местных органов власти, а также вводит в практику менеджмента предприятий отчетность об их экологической деятельности, доступную для общественности¹¹.

По мнению руководителей страны, Китаю предстоит показать миру новый сценарий неоиндустриализации, основанный на развитии новых технологий, рациональном потреблении природных ресурсов, на снижении уровня загрязнения окружающей среды, полной реализации преимуществ огромного человеческого потенциала страны.

Постановка этой задачи на высшем политическом уровне является ответом власти на обостряющийся в стране экологический кризис и знаменует собой новый этап в осуществлении мер, направленных на обеспечение эко-

логической безопасности*. Сам факт постановки такой задачи говорит о серьезной обеспокоенности китайских властей обострением экологической ситуации, способной затормозить дальнейший экономический подъем. К тому же на Китай оказывается сильное политическое давление со стороны международной общественности, озабоченной изменением климата и ролью КНР в этом процессе.

Но обеспечение экологически безопасного развития зависит не только от политической воли руководства страны, которое сегодня сталкивается с немалыми трудностями в реализации нового курса - не хватает финансовых и технических ресурсов, поддержки со стороны местных органов власти, по-прежнему отдающих приоритет экономическим ценностям развития. Но главная трудность в другом - в необходимости перестройки всей экономики. Отсутствие современных производственных, а не только экологических технологий, снимает вопрос о способности Китая в течение ближайших лет приостановить процесс разрушения природы. Не идет руководство и на проведение политических реформ, связанных с расширением участия населения в процессе принятия решений. А без этого многие меры в экологической сфере обречены на провал.

Поэтому пока не приходится говорить о создании в КНР уже сегодня действенной системы экологической безопасности. Экологическая ситуация в Китае, скорее всего, станет еще хуже, прежде чем улучшится.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ: ЗИГЗАГИ «ЗЕЛЕННОГО РАЗВИТИЯ»

В сопоставлении с Китаем экологическая ситуация в Южной Корее выглядит не столь

* С 1 января 2015 г. в Китае введен в действие обновленный Закон о защите окружающей среды (взамен старого от 1989 г.), который отвечает новым потребностям экологизации развития страны.

драматичной, что обеспечивает достаточно эффективной экологической политикой государства. Но так же, как и в Китае, обращение к проблеме охраны окружающей среды мотивировано, прежде всего, экономическими соображениями - придать импульс экономическому развитию, темпы роста которого стали снижаться, что свидетельствует об исчерпании реализуемой модели догоняющего развития в ее индустриальном варианте. Решение этой задачи рассматривалось прежним президентом страны Ли Мён Баком в рамках проведения стратегии «зеленого» роста, основными средствами реализации которой должны были стать достижения научно-технического прогресса. Как заявил в интервью *Korea Herald* бывший премьер-министр страны Ким Хвансик, «Корея, которая отставала в развитии экологической науки в мире, сегодня становится объектом всеобщего внимания благодаря провозглашению курса на «зеленый» рост»¹².

Принятый в 2009 г. и рассчитанный до 2050 г. проект «зеленого» роста должен был привести к структурным сдвигам в экономике страны - преимущественному развитию наукоемких и технологичных отраслей для повышения энергоэффективности экономики и её конкурентоспособности путем создания экспортных возможностей для новой индустрии «зеленых» технологий, товаров и услуг. На инвестиции в «зеленые» технологии выделялось 25% от всего объема вложений НИОКР¹³.

На развитие новых «зеленых» отраслей экономики было запланировано ассигновать в 1-м пятилетнем плане «зеленого развития» (2009-2013 гг.) \$83,6 млрд (2% ВВП), что вдвое превосходило сумму, рекомендуемую на эти цели ООН. Ожидалось, что реализация стратегии «зеленого» развития», которая рассматривалась как новая революция, приведет к росту производства на \$140-160

млрд (при темпах роста экономики в 5% в год) и обеспечит создание более 1,5 млн рабочих мест. А доход на душу населения возрастет с \$20 тыс. до \$30 тыс.

Концепция «зеленого» развития трактовалась в рамках принятия мер для снижения угрозы изменения климата. Их осуществление должно повысить авторитет и влияние Южной Кореи в мире как ответственного члена международного сообщества, готового взять на себя добровольные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов (на 30% к 2020 г.) и избежать возможных применения против неё торговых ограничений со стороны стран Европы.

Стратегия «зеленого» роста как в Южной Корее, так и в Китае, - неотъемлемый компонент их экспортноориентированного развития. Она основывается на амбициозных целях использования своих технологических ресурсов, позволяющих им занять лидирующие позиции в мире. Так, по оценкам министерства наукоемкой технологии Южной Кореи, сделанным ещё в 2009 г., доля этих технологий на мировом рынке должна была составить 15% к 2015 г., а доход от их продаж - \$36,2 млрд¹⁴. Переход к «зеленой» экономике снижает зависимость от импорта энергоресурсов за счет развития возобновляемых источников энергии (их доля в структуре энергопотребления должна возрасти с 2,6% до 11% к 2020 г.).

Аналогично ситуации в Китае, интерес к новой модели развития исходил, прежде всего, от руководителя страны. С его сменой в 2013 г. произошли изменения и в оценке «зеленого» роста. Преимущественно экономическая мотивация предлагаемой стратегии развития ослабляла ее экологическую значимость. Но страдала от недостатков не только экологическая составляющая стратегии «зеленого» роста, оказались не просчитанными и те неизбежные затраты, которые вынужден нести бизнес при перестройке на

новые ориентиры развития. Так, министерство наукоемкой экономики на развитие современных технологий планировало выделить \$6,7 млрд в течение первых пяти лет осуществления стратегии «зеленого» развития, а вклад частного бизнеса должен был составить \$83,6 млрд¹⁵. Большое недовольство бизнеса вызывает проект создания рынка продажи квот на выбросы двуокиси углерода, реализация которого обойдется ему в \$26,7-28,9 млрд в течение трех лет¹⁶.

Новое правительство пока не имеет четкого представления о том, каким образом следует обеспечить экологически безопасное развитие. Означает ли это отход от провозглашенной стратегии «зеленого» роста? Скорее, речь идет о замедлении курса и его корректировке с учетом технологических возможностей и снижения угрозы потери конкурентоспособности ведущих отраслей экономики (сталелитейная, автомобильная, химическая промышленность, судостроение) в краткосрочной перспективе.

Обеспеченность современными технологиями, которые требуются для сокращения выбросов двуокиси углерода и повышения энергоэффективности промышленности, составляет только 50% от уровня развитых стран. Крупные инвестиции в развитие возобновляемой энергии и других «зеленых» технологий не привели, однако, к их коммерциализации и созданию рынков, что снижает материальную заинтересованность в них бизнеса. Несмотря на словесную поддержку идеи «зеленого развития», общество остается еще слабо проинформированным о стоящих перед ним проблемах и считает себя освобожденным от ответственности за их решение.

Сейчас речь идет о реализации новой концепции под условным названием «Зеленый рост 2.0» с еще не проработанным содержанием. Говорится о создании т.н. творческой (креативной) экономики, основанной, по сло-

вам президента Пак Кын Хе, на слиянии информационных технологий, культуры и промышленности.

ЮВА: ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Проблема обеспечения экологически безопасного развития привлекает сегодня особое внимание руководителей стран Юго-Восточной Азии. Страны ЮВА демонстрируют устойчивые темпы экономического роста на протяжении последних десятилетий, что позволило повысить благосостояние населения. Но за это была заплачена высокая экологическая цена. И, судя по всему, ситуация в сфере экологии будет только обостряться вследствие таких факторов: 1) активизация экономического развития; 2) улучшение материального положения населения; 3) увеличение его численности; 4) урбанизация; 5) глобализация торговли и расширение спроса на природные ресурсы стран региона; 6) стремительный рост потребностей в энергетических ресурсах; 7) последствия изменения климата¹⁷.

Нарастающая экологическая напряженность в странах ЮВА представляет угрозу для их безопасности. Эта угроза порождена, во-первых, утратой природного капитала, потребность в котором увеличивается с ростом индустриального производства и доходов населения при сохранении в его составе значительной прослойки бедных, существующих за счет использования природных ресурсов. Во-вторых, возрастающим риском для здоровья населения, испытывающего на себе последствия загрязнения окружающей среды, - ухудшения качества водных ресурсов и воздуха, прежде всего в городах.

В отличие от Южной Кореи и Китая, экономический рост стран ЮВА во многом был обеспечен за счет использования обширного природного капитала. О расточительном характере при-

родопользования можно судить по объему энергопотребления в ЮВА, которое ежегодно возрастает на 4% в год, а к 2020 г. увеличится в 3 раза по сравнению с 1990 г. В значительной мере это объясняется высокой энергоемкостью экономик стран ЮВА¹⁸. Интенсивная эксплуатация возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов, таких как лесные, рыбные, минеральные, которая заложила основу для ускоренной индустриализации стран региона, обернулась их деградацией. По имеющимся прогнозам, к 2100 г. страны Юго-Восточной Азии потеряют 75% своих лесов, 42% своего биоразнообразия.

Загрязнение твердыми частицами воздушного пространства в городах Вьетнама, Индонезии, Мьянмы и Камбоджи в 4 раза превышает этот показатель в Германии и во Франции. Экономическая стоимость загрязнения атмосферы в Индонезии оценивается в \$5,5 млрд в год, или 1,3% ВВП¹⁹. Сокращение на 20% концентрации твердых веществ в воздушном пространстве Бангкока принесет доход, оцениваемый показателями улучшения состояния здоровья населения тайландской столицы, в размере \$400 млн-\$1,6 млрд, а прибыль от сокращения концентрации свинца составит \$300 млн-\$1,5 млрд²⁰.

Серьезная проблема для большинства стран Юго-Восточной Азии - загрязнение водоемов и грунтовых вод тяжелыми металлами, кислотами, маслами. По оценкам МБРР, предотвращение загрязнения водных ресурсов в Индонезии может принести экономическую прибыль вследствие снижения на 50-60% смертности населения в размере \$213-\$315 млн²¹. Индонезия имеет самые худшие в регионе показатели доступа населения к чистой воде - 30% городского и всего 10% сельского населения.

Все эти проблемы будут нарастать с изменением климата, последствия которых уже проявляются в интенсивности стихий-

ных бедствий. Каждый год на Филиппины обрушивается примерно 20 тайфунов, а в 2013 г. тайфун Хайян обошелся экономике страны в \$192 млрд и унес жизни 6300 человек. Экономический ущерб стран ЮВА от потепления климата к 2100 г. составит 6,7% ВВП ежегодно, что в 2 раза превышает средний мировой показатель²².

Резкое ухудшение состояния окружающей среды во всех странах Юго-Восточной Азии ставит под сомнение устойчивость их модели экстенсивного экономического развития. Ее реализация не гарантирует устойчивости экономической системы, ограничивая ресурсную базу производства (как природную, так и людскую). По заявлению секретариата АСЕАН, «невосполнимое истощение региональных природных ресурсов и деградация окружающей среды будут иметь далеко идущие последствия для региональной экосистемы и поддержания качества жизни»²³.

Постановка задачи эффективного использования природных ресурсов исходит, прежде всего, из внутренних потребностей развития стран ЮВА. Но изменения, происходящие в мировой экономике и политике, придают дополнительный импульс активизации их действий по созданию «зеленой» низкоуглеродной экономики - условия повышения их конкурентоспособности в мире. Бывший президент Филиппин Фидель Рамос на встрече лидеров азиатских стран в 2010 г. призвал их следовать модели «зеленой» экономики, даже если это приведет к болезненным трансформациям²⁴.

Решение о переходе к стратегии «зеленого» роста, к которому присоединились страны ЮВА, было принято еще в 2005 г. на 5-й конференции министров по охране окружающей среды стран АТР. Провозглашение этой цели придало четкую направленность экологической политике стран ЮВА.

В Таиланде концепция «зеле-

ного» развития нашла отражение в стратегии «Экономики само-обеспечения», которая вписана в общий контекст социально-экономического развития страны (11-й пятилетний план социально-экономического развития - 2012-2016 гг.) и нацелена на соблюдение паритета экологических и экономических ценностей развития (это дало толчок развитию чистого производства и «зеленой» индустрии без ущерба для экономического прогресса).

В Камбодже принята дорожная карта «зеленого» роста (*National Green Growth Roadmap - NGGR*). Интерес государства в основном концентрируется на развитии гидроэнергетики с целью обеспечения энергетической безопасности страны и сокращения стоимости электроэнергии - она одна из самых высоких в мире.

Еще одна экологическая проблема страны, вызывающая обеспокоенность международной общественности, с чем связаны и сложности с получением международных кредитов и официальной помощи, - ускоряющийся процесс истребления тропических лесов. Власти страны объявили о готовности сохранить лесные угодья на 60% территории и увеличить площадь общинного лесного хозяйства в 2 раза к 2029 г.

Правительство Индонезии также уделяет повышенное внимание сохранению тропических лесов, которые за период с 2000 по 2012 гг. сократились на 6 млн га. По темпам их истребления Индонезия превзошла Бразилию. Властями страны была провозглашена задача достичь нулевого показателя обезлесения, что обеспечит на 90% выполнение провозглашенных обязательств по сокращению к 2020 г. выбросов парниковых газов на 26% (а при международной поддержке этих добровольных обязательств - и на 30%).

При получении международной финансовой поддержки Индонезия с 2009 г. приступила к

осуществлению программы (REDD+) - сокращение эмиссий парниковых газов путем введения моратория на новые лесозаготовки и выдачу лицензий на производство пальмового масла.

Переход к «зеленому» развитию означает также изменение структуры энергопотребления за счет использования возобновляемых источников энергии, доля которых должна возрасти с 4% в 2006 г. до 15% к 2025 г. в значительной мере благодаря производству биотоплива, на территории 10 млн га земли к 2025 г.

Вьетнам поставил перед собой амбициозную цель - к 2050 г. создать «зеленую» экономику, которая обеспечит сохранение природного капитала и сокращение выбросов парниковых газов при увеличении темпов роста экономического производства. Потребление энергии в расчете на единицу ВВП будет сокращаться на 1,5-2% в год, интенсивность выбросов парниковых газов уменьшится на 8-10%, а в случае получения международной поддержки этот показатель будет удвоен²⁵.

Учитывая наличие большой дифференциации в уровне социально-экономического развития стран ЮВА, можно предположить, что процесс создания низкоуглеродной «зеленой» экономики в субрегионе будет растянут во времени и станет сопровождаться появлением лидеров и аутсайдеров.

ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ

Среди явных лидеров в реализации курса на экологически безопасное экономическое развитие можно выделить Малайзию и Сингапур - они так же, как КНР и Южная Корея, придерживаются курса на осуществление «зеленой» революции на базе развития «зеленых» технологий.

Включение экологического императива в стратегию экономического развития еще на раннем этапе индустриализации позволило Сингапуру избежать обост-

рения экологической ситуации при росте экономического производства. За последние 10 лет его жители стали использовать электроэнергию больше на 64%, воды - на 21% и на 21% производить больше отходов. В этой связи были выдвинуты следующие цели на 2030 г.: сократить энергозатраты на 35% по сравнению с 2005 г.; обеспечить оптимальное использование земли; добиться 70% рециклирования отходов; уменьшить объемы потребляемой воды в домашнем хозяйстве до 140 л в сутки на человека, сделать 80% всей зданий «зелеными», сократить на 16% выбросы парниковых газов в случае принятия международного соглашения, а при его отсутствии - на 7-11%.

Малайзия признала «зеленый» рост в качестве фундаментального принципа своей перспективной программы экономического развития до 2020 г. Власти поставили целью довести объем возобновляемых источников энергии в общем объеме энергопотребления до 11% к 2020 г., что принесет экономике доход в размере \$22,8 млрд, создаст 50 тыс. новых рабочих мест и сократит выбросы парниковых газов на 40%. Уже сегодня сложившаяся в стране «зеленая» индустрия оценивается в \$21,8 млрд, и её ежегодный рост составляет 6%.

Но так же, как в Китае и Южной Корее, экологическая политика Сингапура и Малайзии находится в прямой зависимости от проводимой ими инвестиционной и торговой политики, вписанной в общий контекст их экспортноориентированной модели развития.

* * *

Хотя задачи по созданию «зеленой» экономики заложены в долгосрочных планах развития стран региона, их выполнение затягивается. Ограниченные финансовые ресурсы и технологические средства, неэффективная институциональная основа управления охраной окружающей средой, сохраняющийся скепти-

цизм в отношении идеи устойчивого развития - все это ослабляет политическую волю и решимость государства к принятию действенных мер в сфере экологии. Поэтому и вопрос о перспективах «зеленого» развития в странах ЮВА остается открытым.

Как отметил Эмиль Салим, бывший министр экологии Индонезии, «мы не можем решить проблемы только собственными силами. Индонезия, как и другие развивающиеся страны, сталкивается с аналогичной дилеммой при переходе под внешним воздействием от использования ископаемого топлива к источникам чистой энергии. Технологии возобновляемых источников энергии дорогостоящие. И когда государство стоит перед выбором - еда для бедных или технологии возобновляемых источников

энергии, то оно выбирает первое»²⁶.

Обеспечение экологической безопасности требует нахождения баланса между экономическими и экологическими интересами развития. Но этот баланс, как показывает опыт развития стран Восточной Азии, трудно соблюсти, если по-прежнему приоритетными остаются экономические интересы. Концепция «зеленого» развития пока четкого ответа на экологические вызовы не дает. Но это не означает, что она, по своей сути, ошибочна. На сегодня это - скорее, эксперимент, успех которого зависит от многих факторов - экономических, технологических и, конечно, политических. И толчком к его проведению на национальном уровне служит политизация проблемы изменения климата на глобальном уровне, что

накладывает на страны Восточной Азии обязательства по сокращению выбросов парниковых газов. А это, в свою очередь, диктует и выбор средств решения данной задачи с преимущественной ориентацией на повышение эффективности использования природных ресурсов на базе развития чистых источников энергии и чистых технологий.

Обеспечение экологической безопасности в странах Восточной Азии предполагает экологизацию процесса экономического развития, который, бесспорно, растянется не на одно десятилетие. Поэтому сегодня можно лишь делать предположения относительно общих направлений поиска средств по минимизации экологического ущерба экономического развития стран региона.

¹ Wong E. Cost of Environmental Damage in China. Growing Rapidly amid Industrialization // The New York Times. 29.03.2013.

² Air pollution in China is bad, REALLY bad // Environmental News Network. 20.09.2015 - www.enn.com/top_stories/article/48893

³ См. подробнее: *Кранина Е.И.* Проблемы экологической безопасности Китая // Азия и Африка сегодня. 2015, № 3, с. 13-18 (*Kranina E.I.* 2015. Problemy ekologicheskoi bezopasnosti Kitaya // Aziya i Africa segodnya. № 3) (in Russian)

⁴ *Jiahua Pan, Haibing Ma and Ying Zhang Isa Mastny, ed.* Green Economy and Green Jobs in China. Current Status and Potential for 2020. World Watch Report 185. Washington. 2011, p. 8.

⁵ *Lyu Xing.* Stress and Challenges: What's Facing China's 'Nine Dragons of Water' // Journal of the East Asia Foundation. Vol. 10, No. 1, Spring 2015.

⁶ В начале 2006 г. правительство Китая объявило об осуществлении рассчитанного на 15 лет плана инвестирования в развитие новых технологий, призванных обеспечить экономический рост и экологическую безопасность. Расходы на науку должны возрасти до 2% ВВП с последующим увеличением до 2,5% - см.: The International Herald Tribune. 09.02.2006.

⁷ В 2014 г. правительство КНР заявило о реализации национальной программы борьбы с загрязнением атмосферы, которая предполагает уменьшение доли угля в энергопотреблении страны до 62% к 2020 г., постепенное выведение из оборота загрязняющего оборудования и транспортных средств. Также предполагается субсидировать потребление природного газа, развитие атомной энергетики и возобновляемых источников энергии. По подсчетам экспертов, на осуществление этих мер потребуются в 3 раза меньше средств по сравнению с убытками, которые несет Китай из-за загрязнения атмосферы.

⁸ В 2010 г. была поставлена цель достичь производства солнечной энергии к 2015 г. в объеме 15 ГВт. К намеченному сроку этот объем превысил 100 ГВт. Сегодня Китай стал ведущим в мире рынком по производству солнечной энергии, который оценивается в \$23,5 млрд.

⁹ Environment And Society for Green Development. 2013 Policy Research. Report on Environment and Development. Ed. by *Fang Li, Li Yonghong, Li Haiying.* China Council for International Cooperation on Environment and Development. 2013, p. 15.

¹⁰ *Rosen Daniel H.* Avoiding the Blind Alley: China's Economic Overhaul and its Global Implication. Executive Summary. Report. Produced In Collaboration An Asia Society Policy Institute With Rhodium Group. New-York. October 2014.

¹¹ По обращениям населения министерство экологии проводит проверку деятельности компаний на предмет соблюдения ими норм экологической безопасности. В случае выявления нарушений они

подвергаются штрафным санкциям, которые варьируются от получения предупреждений до закрытия предприятия. Ст. 59 обновленного закона об охране окружающей среды вводит новые правила наказания для загрязняющих предприятий: штрафы будут увеличиваться ежедневно пропорционально нанесенному окружающей среде и здоровью населения ущерба.

¹² The Korea Herald. 11.10.2013.

¹³ *Sang In Kang, Jin-gyu Oh, Hongseok Kim.* Korea's Low-Carbon Green Growth Strategy. A Case Study. Working Paper No. 310 OECD. Development Centre. 12 March 2012, p. 20.

¹⁴ Promising Investment Opportunities: New and Renewable Energy. Invest KOREA. January 2013, p. 23.

¹⁵ *Sang In Kang, Jin-gyu Oh, Hongseok Kim.* Op. cit., p. 18.

¹⁶ S.Korean firm says planned carbon market flawed, wants delay. 18.07.2014 - <http://af.reuters.com/article/commoditiesNews/idAFL6N0PT3CZ20140718?sp=true>

¹⁷ *Zbicz D.* Asians Future. Critical Thinking for a Changing Environment. USAID. September 2009.

¹⁸ С 1980 по 2011 гг. энергоинтенсивность улучшилась только на 12% по сравнению со среднемировыми показателями 26% и 38% в странах ОЭСР, 74% - в Китае и 44% - в Индии. - См.: Towards Green Growth in Southeast Asia. OECD 2014, p. 27.

¹⁹ Investing in a More Sustainable Indonesia. Country Environmental Analysis 2009. The World Bank Group, Washington. 2009, p. 8.

²⁰ Thailand Environment Monitor. World Bank, Bangkok. January 2000, p. 5.

²¹ Indonesia Environmental Monitor 2003. Manila, 2004, p. 30.

²² *Brömmelhörster Jörn.* The economics of climate change in Southeast Asia: A regional review. Asian Development Bank 2009 - <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR004/ADB.pdf>

²³ *Elliott L.* Environment, Development and Security Issues and Responses. 13 Asia Pacific Round Table. 30 May - 2 June 1999. Kuala Lumpur, p. 5.

²⁴ Development Asia. January-March 2012, p. 5.

²⁵ *Pham Hoang Mai.* Progress on the Viet Nam Green Growth Strategy. Update on Recent Developments. Presentation for the PMR PA5 meeting. Washington DC. March 2013.

²⁶ Development Asia. January-March 2012.